

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ І НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНІСТЬ У ВИМІРАХ ХУДОЖНЬОГО СЛОВА

УДК 821.161.2:008 (560) "1920/1930"

Николай Васькив

РЕЦЕПЦИЯ ТУРЦИИ И ТУРЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–30-х ГОДОВ

В статье идет речь о причинах обращения внимания украинских писателей и ученых 1920–30-х годов на Восток и восточную культуру, особенно — на Турцию. Подается объемный перечень художественных произведений, путевых, научно-популярных очерков о бытии турок во времена кемалевских преобразований, перечень переводов из турецкой литературы. Автор статьи акцентирует внимание на особенностях украинской рецепции Турции, поисках общих точек соприкосновения в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: рецепция, турецкая культура, ВУНАС, путевой очерк, перевод.

В романе Юрия Яновского «Мастер корабля» среди многих эпизодов воссоздаются реальные встреча и подписание соглашения между советским народным комиссаром иностранных дел и министром иностранных дел Турции. Для писателя, которого за роман обвиняли в украинском имперском маринизме (научной основой этого «имперского маринизма» были труды профессора М. Слабченко об украинцах как о морской нации), было важно написать именно об этом событии, которое произошло в Одессе. Ведь это свидетельствовало о весомости украинского по культуре и духу города, о том, что СССР — субъект международной политики. Но был еще один очень важный момент — особенное внимание в это время ко всему, что происходило в Турции. Поэтому советский нарком намекал на возможность расширения сотрудничества, в том числе военного, хотя в Одессе подписано было посредственное рыболовно-торговое соглашение.

Интерес к Востоку существенно вырос среди украинцев после событий Украинской революции 1917–1921 гг. и недолгого периода государственности Украинской Народной Республики. Республику ликвидировали, но ее идеи и интенции сохранялись еще на протяжении целого десятилетия, прежде всего в деятельности национал-коммунистов. Во-вторых, еще до революции был запущен механизм национального самосознания, что неминуемо приводило к интересу

к другим нациям, их культуре, определению себя в остальном мире. Заканчивается период «самодовольного зазнайства пирятинского домохозяйства, величественной удовлетворенности кобеляцкими горизонтами» [18, 3]. В-третьих, большую роль сыграло национально-освободительное движение народов Азии. Это, а также идеи О. Шпенглера о «закате Европы» стало основой теории «азиатского Ренессансу». Ее сформулировал Николай Хвильевый, чей высокий авторитет очень способствовал широкой популяризации теории среди украинских писателей. Эта теория особенно наглядно иллюстрировалась преобразованиями в жизни восточных народов СССР, когда отдельные национальности «перешагивали» из первобытного или феодального общества в социалистическое. Поэтому неудивительно, что украинские писатели открывали на советских просторах для себя, для украинцев и для целого мира ценные россыпи незнакомых ранее культур. В конце концов, Восток в Европе и Российской империи ассоциировался, начиная со Средневековья, с экзотикой, завлекающей загадочностью, мистикой.

Рецепция Турции и ее культуры в Украине, история украинско-турецких отношений в 1920–30-х годы уже была объектом исследования в отдельных небольших публикациях, прежде всего имеются в виду статьи В. Сергийчука и И. Прушковской в книге «Україна–Туреччина».

Но Владимир Сергийчук сосредоточился в основном на пересказе публикаций, представленных в журнале «Східний світ», и некоторых архивных материалов [27], хотя это богатейший материал, который дал ученому возможность сделать много важных выводов об исследовании Турции в Украине конца 1920-х годов. В публикации же Ирины Прушковской 1920–30-м годам отведено всего одну, хоть и большого формата, страницу [20, 422–423], но даже эта небольшая часть статьи не лишена неточностей и искажений (о них конкретнее будет упомянуто дальше).

В Советском Союзе в 20-е годы преобладали иллюзорные надежды, что превращение Османской империи в независимую республику (1923), проведенные Мустафой Кемалем (соотечественники назвали его Ататюрком — отцом турков), реформы являются первыми шагами на пути к большевистским преобразованиям. Кость Котко писал, что «революционная Турция, национальная Турция, — республика Февраля, а не Октября» [11, 66], т.е. «Октябрь» ожидался. Понятно, что желаемое в то время выдавалось за действительное, но было полезное следствие: украинцы всесторонне открыли для себя Турцию. В этом им помогал огромный массив разнообразнейшей литературы. Это и классические труды Агатангела Крымского, в которых исследовались история Турции, турецкая культура, литература и язык, и даже его перевод двух стихотворений Тараса Шевченко на турецкий язык.

Это и учебник турецкого языка Тимофея Грунина «Элементы грамматики та новий алфавит» [7]. Собственно, этот учебник нельзя назвать самоучителем, так как он рассчитан на человека, уже имеющего определенные, немалые познания в лексике и построении самих распространенных фраз в турецком языке.

Нельзя не упомянуть и геополитические публикации партийного вождя Х. Раковского и М. Рафаила [21; 22]. Несмотря на то, что в названиях упоминается Ближний Восток, речь прежде всего идет о Турции, о «справедливой» и «миролюбивой» политике СССР, который, в отличие от империалистических стран Запада, желает помочь туркам отстоять независимость безвозмездно, без каких-либо территориальных, политических или экономических дальних прицелов. Стоит отметить разве что помещение в этих изданиях выступления (с собственными комментариями) в Ангор (Анкаре) в 1921 году Михаила Фрунзе, который формально был руководителем официальной делегации УССР, имевшей еще на то время собственное министерство иностранных дел.

Близким по духу к названным публикациям было украинскоязычное издание книги профессора Александра Гладстерна «Европа и борьба

Турции за независимость» [4]. Автор начинает с того, что констатирует двойные стандарты со стороны европейских политиков, которые приветствовали национальное освобождение народов Европы и одновременную колонизацию народов Азии и Африки. Как результат такой лицемерной политики профессор Гладстерн называет Севрский договор 1920 года, который фактически благословлял раздел большей части Турции между европейскими империалистами. Дальше речь идет об идеях тюркизма Зии Геок-Альпа, которые вдохновили турок под предводительством паши (генерала) Мустафы Кемала на национально-освободительную революцию. А. Гладстерн не столько характеризует течение освободительной войны, сколько те или иные действия, заявления и тайные поползновения Франции, Великобритании, Италии, а также США. Кстати, автор считает идею создания «Великой Армении» именно американским проектом [4, 61–62].

И книги Раковского и Рафаила, и книга Гладстерна были рассчитаны на высокообразованного читателя, хорошо разбиравшегося в мировой политике и хитросплетениях большевистской фразеологии. К ним можно причислить также «Турцию и ее экономическое районирование» [14] Л. Левитского, и написанную И. Крачковским в форме статьи биографию араба Сулеймана аль-Бустани [13], сыгравшего видную роль в политической жизни турок начала XX в. Эти брошюры вышли тиражом 100 и 200 экземпляров соответственно. Значительно ближе для широких читательских масс были популярные издания книг Л. Величко «Современная Турция» [2] в серии «Массовая библиотека. Страны мира» и Ф. Гарана «Турция: географический очерк» [3] в серии «Рабочая библиотека ученика учреждений соцвоспитания».

Книга Л. Величко вышла тиражом 5 тысяч экземпляров, таким же тиражом — и первое издание книги Ф. Гарана, но популярность ее была столь велика, что было допечатано еще 10 тысяч экземпляров. В работах обоих ученых дается характеристика географических и климатических условий существования турецкой нации, полезных ископаемых, их потенциала на будущее, настоящего состояния и перспектив развития сельского хозяйства, трудовых ресурсов и острой нехватки рабочих рук, создания широкой транспортной сети, прежде всего железнодорожной, и т.п.

Указывается на большое количество необрабатываемых земель, заторможенность развития промышленности из-за недостаточного количества рабочих, особенно квалифицированных, и зарубежных инвестиций. Детально рассматривается структура сельхозпроизводства, промышленных предприятий, сосредоточенных

преимущественно в Стамбуле и Измире. Л. Величко отдельно останавливается на национальном составе населения, о существующих проблемах межнациональных взаимоотношений, прежде всего между турками и курдами. В духе времени он усматривает основную причину в экономической отсталости регионов, заселенных курдами. Несмотря на ангажированность такого тезиса, кажется, он не утрачивает актуальности и в наше время.

Актуальной для современной Украины (и не только) может быть информация о том, что для преодоления экономически-финансового кризиса кемалевское руководство выделяет огромные средства (в 1927 году в 30 раз больше, чем в 1921-м) и акцентирует внимание на развитие образования, одновременно урезая с каждым годом финансирование государственного управленческого аппарата. Напряженные отношения с западными странами приводят к тому, что 30% составляют затраты на армию. Из-за этого приходится жертвовать финансированием здравоохранения и культуры, поскольку бездефицитность бюджета строго выдерживалась. Также Л. Величко кратко излагает исторические события в Турции за последнее десятилетие. В целом оба издания давали достаточно широкое представление о событиях и состоянии Турции того времени, ее проблемах и перспективах развития.

Огромный интерес к Турции не мог не найти отражения в художественной литературе. Это касается переводов произведений турецкой литературы, оригинальных произведений на турецкую тематику и путевых очерков, очень популярных в украинской литературе 1920–30-х годов. Традиции А. Крымского нашли продолжение в переводческой деятельности уже новых кадров востоковедов. Так, Василий Дубровский и Павло Тычина были отправлены в 1930 г. в Ленинград для основательного изучения турецкого языка. По возвращению в Харьков В. Дубровский организовал научный семинар не только по изучению языка, но и по проведению системных исследований истории, культуры, религии Турции, ее всевозможных взаимосвязей с Украиной. Именно Дубровскому суждено было сыграть ведущую роль в переводах с турецкого языка в 1920–30-е годы и заложить основы для развития этого дела в послевоенные годы [12] (сам ученый, репрессированный в 30-е годы, в конце Второй мировой войны эмигрировал в Западную Европу).

Вполне возможно, что первые переводы рассказов Омера Сейфеттина были упражнениями в усовершенствовании знаний турецкого языка. Первые три короткие произведения были опубликованы в журнале «Східний світ» [24] в 1929 году, еще три — через год в журнале «Червоний шлях» [25]. В том же 1930 году и в этом же журнале

вышла переведенная Дубровским небольшая повесть (или большой рассказ) Рефика Халида «Ятык Эмине» [31]. Очевидно, что дело переводов очень скоро увлекло ученого-востоковеда, он напряженно работает над ними. Как следствие, в 1931–32 годах выходят три издания турецких писателей в ретрансляции В. Дубровского: отдельной книгой выходит уже упоминаемая повесть Рефика Халида [30] (И. Прушковская почему-то приписала перевод этого произведения Андрею Коваливскому [20, 423]); сборник рассказов Сейфеттина [23], кроме шести опубликованных ранее в журналах, содержал еще пять произведений «малой прозы»; завершающим был роман Якуба Кадри Караосманоглу «Нур Баба» [9].

К каждой журнальной публикации переводов и к книгам Сейфеттина и Кадри переводчик дает большее или меньшее предисловие с изложением биографии и основных творческих вех. Особенно развернутым является предисловие к роману «Нур Баба», в нем не только ведется речь о жизни и творчестве писателя, но также детально излагаются основы суфизма, история териката бекташи, что необходимо для понимания содержания романа Якуба Кадри. Кроме этого, В. Дубровский в 1933 году подал в издательство «Український письменник» сборник новелл Р. Халида «Народные рассказы», но из-за ареста ученого сборник так и не вышел свет, а рукопись была утеряна.

Переводчика, в духе времени, прежде всего интересовали произведения, в которых шла речь об эмансипации женщины, о тяжелой жизни обычного турка, развенчивались религиозные предрассудки и алчность суфийского «бабы». Обращает он внимание на то, что Сейфеттин, например, резко порывает со старым книжным языком, ориентируясь полностью на народные речевые формы, а Кадри, наоборот, очень ценит завоевания классического литературного языка и уделяет большое внимание стилистике собственных произведений. В. Дубровский также указывает на юмор как отличительную стилистическую черту Омера Сейфеттина.

Интерес Василия Дубровского вполне укладывается в положения теории «встречных течений» М. Бахтина, согласно которой в избрании текстов для перевода важно не только и не столько значение оригинала в родной литературе, сколько проблемы переводчика и его литературы. Но еще больше эту теорию могут проиллюстрировать два почти одновременные украинскоязычные издания романа Халиды Эдиб «Огненная рубашка», во Львове [8] и Харькове [32] (И. Прушковская ошибочно называет датой издания 1932 год [20, 423]), соответственно, в советской Украине и на территории Польского государства. Огненная рубашка — это символ национальной униженности и стыда, который постоянно жжет спину

главных героев произведения Ихсана, Пейями, Джемала и Айше. Избавиться от этого жжения они могут только в борьбе за освобождение родного края, в утверждении республиканских идеалов равенства и братства турок.

С одной стороны, интерес к книге подогревался популярностью Турции и преобразований в этой стране среди украинской общественности. Немаловажным был также мелодраматический посыл трагически неразрешимого классического любовного треугольника. Но гораздо большую роль играло то, что национально-освободительная борьба турков вызывала устойчивые аналогии с Украинской национальной революцией 1917–1921 гг., которая, в отличие от турецкой, закончилась поражением. На это указывает и переводчик книги В. Софронив, и автор предисловия ко львовскому изданию М. Струтинский: «[...] незатертое впечатление делает она (повесть. — Н.В.) на украинского читателя: во многих местах утрачивает она ощущение экзотичности сюжета, и кажется ему, что турецкая автор перенесла на малоазиатскую почву картины из Украинской революции» [28, 1]. Об этом говорит и автор предисловия к изданию харьковскому Иван Лызановский [15, 5–7].

Если говорить о поэтических переводах, то здесь речь идет о классике украинской и мировой лирики Павле Тычине. После разгрома украинского востоковедения в середине 1930-х годов установилась традиция, по которой украинские переводчики не работали с оригиналами (попросту не знали языка), а пользовались подстрочниками, прозаические же произведения переводились на украинский с переводов на русский язык. Но как раз П. Тычина мог общаться по-турецки вполне прилично, поскольку изучал язык в Харькове, потом отправился в Турцию для развития языковых навыков и с непосредственным заданием определить круг произведений турецких поэтов с дальнейшим их переводом, потом отправился в Ленинград в 1930 году для усовершенствования языковых знаний.

На турецкую территорию украинский классик отправился в составе официальной делегации из пяти человек, перед каждым из которых стояло определенное задание. Так, уже упоминаемый А. Гладстерн должен был изучить и изложить политическое и экономическое состояние Турции, В. Зуммер знакомился с турецкими музеями и искусством, Л. Первомайский должен был написать путевые очерки-отчет о поездке и т.д.

Официальный характер поездки (ноябрь 1928-го — январь 1929-го годов; Стамбул, Измир, Анкара и др.) предопределял круг турецких поэтов и мотивов их стихотворений, которые должен был избрать для переводов П. Тычина. Поэт прежде всего хотел встретиться с Назимом Хикметом, чье творчество очень ценил. Но литераторы

разминулись (Хикмет в это время уехал в Москву; Тычина активно общался с ним и переводил его стихотворения уже после Второй мировой войны), поэтому пришлось обратиться к творчеству других турецких поэтов — Тевфика Фикрета, Мехмета Эмина, Галита Фагри. Украинский классик перевел несколько их стихотворений, преимущественно социального звучания, но в части переводов отражены особенности турецкой многовековой культуры, их тонкий литературный характер, пастельные завуалированные образы можно бы аргументировано причислить к «искусству для искусства». Впечатления от пребывания в Турции также стали толчком к созданию нескольких оригинальных «турецких» стихотворений Павла Тычины (о переводах и турецких мотивах в творчестве поэта более детально можно прочитать в статье Надежды Сенчило [26]). А вот об аутентичном турецком театре у П. Тычины остались, мягко говоря, не очень лицеприятные дневниковые записи [29, 50–56], что удивительно для этого поэта, очень чуткого к национальному своеобразию искусства.

В прозе турецкие мотивы и проблематика находили разную степень отражения. Это мог быть отдельный, хотя и очень яркий эпизод, как в уже упоминавшемся романе Юрия Яновского «Мастер корабля». А могло быть и произведение, полностью посвященное турецким реалиям и событиям. Именно таким произведением и стал «роман из современной турецкой жизни» «Змова Десмоля» [1] («Заговор Десмоля») Л. Величко, автора научно-популярной брошюры «Современная Турция», которая анализировалась выше.

Величко очень четко представлял себе разницу между научно-популярной книгой и художественным произведением. Роман у него получился захватывающим, с детективной интригой и авантурными приключениями, непредсказуемым развитием событий. По законам очень популярной в то время в Украине теории «сюжетности», Величко дает характеристику турецких реалий, быта, обычаев, идейно-политического противостояния по ходу развития действия, «по касательной», что, в принципе, является имманентной чертой искусства слова во все времена. Чувствуется, что автор не раз бывал в Турции, хорошо знает не только ее географию, уровень политического и экономического развития, но также и повседневные обычаи, обустройство дома, бытовые привычки, взаимоотношения между членами семьи, противостояние старых традиций, предрассудков и революционных преобразований, религиозные течения, прежде всего структуру суфийских тарикатов и смысл их верования, особенности действий турецкой полиции по проведению расследования и пресечению преступлений и т.д.

Основу сюжета составляет заговор иностранного капитала и местных реакционеров с целью свержения республиканской власти и реставрации монархии, а главное — восстановление политического и экономического господства западных государств. Показательно, что заговор возглавляет английский аристократ-олигарх Дрюри, который «работает» руководителем турецкого филиала косметической фирмы «Десмоль», в него вовлечены отставные сановники Османской империи, которых олицетворяет Осман-бей, русская эмиграция в лице авантюристки Юзефы Скворонской-«Вадбольской», дочери орловского помощника полицмейстера. Используются вслепую и курды, которых нищета толкает на противостояние с властью. Но организаторы переворота сразу сообщают, что после прихода к власти они будут вынуждены подавить любые проявления курдской независимости. Показательно также и то, что мистер Дрюри сумел вовремя сбежать, т.е. были казнены заговорщики низового и среднего звеньев, а верхушка, организаторы заговора остались безнаказанными.

Но были и те, кто активно противостоял заговорщикам. Это и сеть бдительных полицейских и представителей спецслужб во главе с министром внутренних дел, и чиновники — вчерашние герои революции, и Халиль-бей — младший брат Осман-бея. Именно Халиль-бей стал воплощением беззаветного служения родному народу, верности республиканским идеалам, от которых он не может отступить даже ради высокой любви. Может быть, он менее одарен, чем его старший брат, но этим как бы утверждается мысль: как много могли бы дать Турции и ее народу Осман-бей и ему подобные, если бы включились в построение нового государства, а не противостояли ему.

Наконец мы подходим к путевым очеркам. Собственно с них, возможно, и начинается украинское литературное «освоение» Турции. И первыми стоит назвать очерки известного украинского художника-эмигранта Олексы (Алексея) Грищенко «Мої роки в Царгороді» [6]. Книга написана в форме дневниковых записей, которые велись, очевидно, по свежим следам пребывания в Стамбуле с ноября 1919 года по март 1921-го. Но издать очерки автору удалось только в 1930 году в переводе на французский язык («в роскошном альбоме с 40 цветными акварелями живописца» [5, 7]), после ошеломляющего успеха выставки картин, наброски которых художник сделал еще в Турции. Но Грищенко не успокоился, пока не издал украинского варианта очерков в 1961 году, правда, без «цветных акварелей», на обычной серой бумаге. Исключение — одна из картин художника в цвете на мягкой обложке книги.

Очерки излагают нелегкие мытарства автора в Стамбуле в поисках пристанища, куска хлеба, в попытках получить визу и вырваться в Париж. Странное дело, но помощь ему в этом оказывали не почти соотечественники «русские», но обычный выходец из Кубани, или простые турки, или женщины-европейцы. Больше же всего неприятностей создавали богатые армяне и греки. Но не тяготы судьбы составляют основу повествования. Значительно больше внимания уделяется воссозданию колоритной красоты Стамбула, турецкой культуры и совершенства персидских книжных миниатюр. Поэтому Грищенко пишет о том, как несколько раз возвращался к Святой (Ая) Софии, к другим мечетям, к базарам и руинам городских стен, в библиотеки и т.д.

Автором очерков двигают не утилитарные интересы, а эстетические мотивы. Как художник, он воссоздает прежде всего зрительные впечатления, игру красок и гармоничность их соединений. Но со зрительными образами синтетически соединяются звуковые. Грищенко очарован колоритом страны, в которую он попал волей случая. Эту красоту через слово он пытается передать и читателю. Во введении, написанном через много лет после выезда со Стамбула, он пишет: *«Автор достигнет своей цели, если читатель перенесется хоть на минуту в атмосферу его умилений и мыслей, которые рождаются под сводом Святой Софии или на майдане незабываемой Кахрие Джамии, на стенах и улицах Стамбула, перед книгами с восточными миниатюрами [...] Привет носильщикам и дервишам, привет чоджукам и тайным мыслям... Привет тебе, Царьград!»* [6, 13].

Художник пишет о совершенстве и неповторимости Рустем Паша Джамии и Кахрие Джамии, Ая Софии и Валидеджами, дворца Блахернов и персидских миниатюр, о достопримечательностях Принцевых островов и Скутари, шумности и пестроты экзотических товаров Египетского базара и завораживающей мистике дервишей-«вертунов» и дервишей-«горланов», об искусности местных токарей и столяров и пышности селямлика — султанского выезда — и о многом, многом другом, обильно используя колоритную турецкую лексику. А. Грищенко с огромной радостью выезжал во Францию, но с меньшей грустью он покидал такой разнообразный и ставших родными Стамбул и стамбульцев: *«И одновременно мое сердце преисполняет жаль покидать Стамбул, Царьград, Святую Софию [...] Прощай, Царьград, прощайте, турки!»* [6, 248–249]. Вполне возможно, что эти слова автор дописал позже, но в их искренности сомневаться не приходится, потому что кривить душой ему никакой выгоды и потребности не было.

Волей случая в Стамбул также был заброшен дипломат Украинской Народной Республики Александр Лотоцкий. О пребывании в бывшей столице Турции он оставил воспоминания [16], написанные более чем через полтора десятилетия. Основное внимание уделяется перипетиям признания легитимности Украинского государства и, соответственно, дипломатической миссии, ее взаимоотношениям с турецкой властью и особенно — западными дипломатическими и деловыми кругами. Но не остался без внимания, конечно, и стамбульский колорит, архитектура города, быт и нравы турков, часто — через воссоздание собственных хлопот об устройстве в Стамбуле, решении бытовых и финансовых проблем и т.д.

Наверное, самым интересным украинским очеркистом, писавшим о Турции в межвоенное двадцатилетие, был Кость Котко. Николай Петрович Любченко (настоящие имя и фамилия Костя Котко) родился в 1896 году в Киеве в семье работника полиции. Несмотря на такое нереволуционное происхождение, он, служащий военного отряда путей сообщения, с 1918 года ведет активную политическую жизнь, сотрудничая сначала с «борьбистами» — левым крылом социал-революционеров, а затем — с большевиками. В 1920-х годах Кость Котко работает в комиссариате иностранных дел, дипломатических учреждениях в Варшаве и Праге. На это десятилетие приходится и пик его творческой деятельности. Котко был очень популярным юмористом и сатириком (издал более 20 книг фейлетонов, юморесок, памфлетов и т.д.), слава которого иногда конкурировала со славой известного Остапа Вишни. В 1931–1934 гг. он был руководителем Украинской организации Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. А параллельно был членом редколлегии газеты «Коммунист» — ведущего издания большевиков Украины, значит, и ведущего официального издания всей Украины. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он дважды сумел побывать в долгосрочных командировках в Турцию, да еще с солидным финансовым содержанием.

После первой пятидневной поездки была напечатана книга путевых очерков «Солнце за минаретами» [10], после второй — «Дневник нескольких городов» [11], в котором основную часть составлял текст первого издания, дополненный новыми впечатлениями и наблюдениями. В то же время пришлось убрать раздел о перипетиях прохождения турецкой и советской таможен с их чрезмерной дотошностью и взяточничеством.

Поездки Котко в Турцию были в определенной мере авантюрой: хотя он «приехал в эту страну из любви к ней», с целью пробуждать «какую-то ласковую любовь к молодой стране,

которая сбросила ярмо ислама и некультурности», но делал это «без языка, без основательного понимания быта переходной эпохи» [11, 3]. Правда, писатель несколько кокетничал, ибо хорошо знал французский язык, который широко использовали образованные турки, пусть их было и немного, поэтому он не только много увидел в Турции, но и услышал и прочитал об их стране, ее культуре, прошлом и настоящим, о ее коренных жителях и иммигрантах разных мастей. Результатом стал захватывающий рассказ с переходами от первых импрессионистических впечатлений, передающих растерянность путешественника и калейдоскопичность движения, видов, к комическим ситуациям и примечаниям, которые пронизывают весь текст очерков. Котко умело выдерживает интригу повествования, часто оставляя на завершение неожиданную развязку детективных коллизий или невероятный поворот событий.

Писатель стремится разрушить стереотипное мнение, сформировавшееся о Турции и турках под влиянием популярной художественной и научной литературы или пересудов-сплетен и не соответствующие реальности. Это может быть отрицание представлений, что бухта Золотой Рог — «самый красивый уголок земного шара» [11, 98]. Или постоянная акцентуация на «умиляющей чистоте», даже в комнатах «защитного, изодранного отельчика провинциального города» [11, 125]. Или удивление от высокого уровня автомобилизации страны, когда и в небольших городках была конкуренция между таксистами, не говоря уже о мегаполисах. А может быть обильное цитирование источников об уничтожении турок греками, тогда как на Западе культивировалась лишь мысль об ущемлениях и уничтожении турками армян и греков. Поэтому такими интересными и необычными были рассказы о толерантности в кемалевской Турции к представителям других национальностей и религий.

Кость Котко основательно, интересно, а главное, на базе собственных наблюдений и впечатлений, из-за чего — неординарно, описывает Стамбул, его старую центральную часть, шумные и безграничные рынки, кладбище, но также и окраины, полудикие виды на побережье Мраморного моря. Во всей красе старины, смеси культур, руин и нового строительства предстают из очерков Измир (Смирна), с которого началось в сентябре 1922 года освобождение турецкой территории от иностранных завоевателей, воссоздается неповторимость Анкары и Мерсины, особенности железнодорожного и морского путешествий. Повезло писателю побывать в провинциальных городках и селах, на театральном спектакле в народных традициях (которые он абсолютно не воспринимал, признавая только театр Л. Курбаса) и даже на празднике обрезания.

Спектр эмоций от увиденного очень широк — от безграничного восхищения («О Стамбул, город, не похожий на любой другой город на земле!» [11, 151]) до грусти и сочувствия («Безрадостная страна! С севера на юг протянулись сожженные стены» [11, 61]), но каждый раз это искренние, неподдельные чувства.

Больше всего Котко обращал внимание на преобразования, происходившие под влиянием укрепления республики, реформ Кемаля. Или не происходившие, хотя писатель как советский гражданин с нетерпением их ожидал. Так, он с грустью констатирует, что «аграрной революции в Турции не было», что «тяжело проводится решение национального вопроса». Также «рабочей Турции автор не видел и не мог увидеть». Зато «молодая Турция вырывается из лап некультурности», активно реформируется быт, иногда варварскими методами (когда-то «за феску — вешали»), важным завоеванием К. Котко считает раскрепощение женщины. Очень интересное наблюдение, которое не утрачивает актуальности в условиях современных феминистических требований: тотальное утверждение равенства уподобляется «привилегиям для женщин». Или констатация вот такой, наверное, неотъемлемой женской черты: «для женщины процесс торговли — момент будто сексуального характера, с таким наслаждением она это делает» [11, 46].

Но наибольшее восхищение у Костя Котко вызывает образовательная реформа и введение латиницы вместо чагатайского алфавита в стране, где было всего 50% умеющих писать граждан. Энтузиазм был настолько сильным, что писатель тоже проникся им и помогал туркам осваивать новый алфавит, хотя сам турецкого языка почти не знал. Впечатляющими были и успехи, потому что получали грамотность или переходили из одного алфавита на другой не только в школах, но и на производстве, в учреждениях («По учреждениям висят школьные доски» [11, 128]), даже на улицах и в транспорте. Тотальный переход на новый алфавит, резкое возрастание количества образованных людей и нетерпимость ко всему, что унижало или отрицало турецкий язык, культуру, захватывали тем более, что писатель сравнивает их с течением и результатами «коренизации», возрождения национальной культуры в Украине. И это сравнение ну никак не в пользу украинцев («я вспоминаю первые месяцы украинизации, но параллель тут не в пользу Украины» [11, 129]).

И здесь еще один интересный момент: Котко путешествует страной турок, пишет о ней, но он пишет также и об Украине, которая постоянно присутствует, прямо или опосредованно, на страницах очерков. Писатель даже заявляет, что его книги «не о Турции, а о себе, советском гражданине и украинском юмористе, в Турции» [11, 3].

Поэтому в очерках так много сравнений «туркизации» с украинизацией, так часто пишет Котко о стремлении задекларировать свое украинство («в одном отеле домогался, чтобы в обязательной анкете правильно записали мою национальность» [11, 162]) и невозможность реализовать свои языково-национальные права («в Турции [...] никакой пользы нет доказывать, что ты не русский, а украинец» [11, 16]). К этому можно добавить постоянные параллели между турецкими преобразованиями с украинской недавней и современной историей, между искусством двух народов и т.д. Возможно, именно такие украинские, «националистические», интенции и предопределили то, что писателя арестовали в декабре 1934 года, приговорили его к семи годам заточения, а потом в декабре 1937 расстреляли в «ознаменование 20-й годовщины Великого Октября»?

Несколько слов стоит сказать о языке очерковой книги. Безусловно, передать колорит другой страны, культуры невозможно без слов-экзотизмов. И их в очерках немало: мечет, минарет, муэдзин, чалма, феска, калиф, «газос», «суук-су», чауш, хамал, Истиклаль джадеси, ширкет, вар, джамджи, тари, зурна, «Аэробайрам», салеп, хаджи, эпендым, аскер, кабинджи, баранча, меджлис, дузико и много других. Значение некоторых из них было известно читателям, значительную часть тюркизмов автор переводит и объясняет в тексте, а еще семантику части из них читатель легко определяет сам, из контекста повествования.

Национальное самосознание и самоутверждение породили углубленный интерес к советским окраинам, странам и народам Запада и Востока, следствием чего стал и бум в написании путевых очерков. Авторами были и профессиональные литераторы, и путешественники по оказии, и опытные туристы, и даже военные. Но «Дневник нескольких городов» Костя Котко кажется одним из самых интересных, самых оригинальных и самых читабельных среди многих и многих подобных изданий.

Также стоит упомянуть Леонида Первомайского, который, как уже упоминалось, в составе официальной делегации более двух месяцев пребывал в Турции. Результатом этого пребывания стала книга «Блокнот блукань» [19] («Блокнот блужданий»). Турция, конечно, в книге присутствует, но автора больше интересуют успехи советского нефтесиндиката в этой стране, романтические приключения и т.д. Вершиной же украинско-турецкой литературной дружбы стало издание в 1930 году номера журнала «Червоний шлях», полностью посвященного Турции и турецкой литературе [33] и требующего детального рассмотрения.

«Полностью посвященного» — немного громко сказано, потому что там есть и материалы,

не относящиеся к Турции, ее истории и культуре. Но подавляющее большинство объема журнального номера — около 75% — это «турецкие» публикации разных жанров и разного содержания. Показательно и то, что Содержание журнала продублировано на турецком языке.

Традиционно вначале идут художественные произведения, лирика и эпос. Два стихотворения Мехмеда Эмина (сонет «Залізо», «Із циклу «Анатолія»») были напечатаны в переводе Павла Тычины [33, 5, 10], причем под вторым стихотворением стоит только криптоним переводчика «П.Т.». Еще одно стихотворение — «Знов зима» Ахмеда Хашима [33, 26] — перевел загадочный «Н.Щ.». В переведенных стихотворениях Эмина речь идет о титаническом и тяжелом труде рудокопов, за которыми будущее («Майбутнього хода!»), и тяжелой жизни турецких крестьян, которые по преимуществу должны батрачить, что соответствовало основным мотивам украинской поэзии того времени, в т.ч. и П. Тычины. Стоит отметить и мастерство переводчика в воссоздании не только содержания, но и трудной сонетной формы. Привлекает внимание и то, что второе стихотворение, состоящее из двух частей разной тональности, очень близко к творчеству Тычины времен «Сонячних кларнетів» и «Замість сонетів і октав». Стихотворение же А. Хашима — очень тонкий медитативный рисунок зимнего печального пейзажа.

Что касается эпических произведений, то прежде всего это уже упоминавшиеся переводы Василия Дубровского произведений Рефика Халида «Ятик Еміне» [33, 11–25] и Омара Сейф Эддина «Три оповідання» [33, 27–39] («Верблюды» — юмористический рассказ о цигане, захотевшем выдать себя за араба, но выведенном на чистую воду верблюдом, «Милостиня» — о смерти трудолюбивого и богобоязненного крестьянина, совершенно безразличного для его жены и сыновей, потому о нем скорбит только собака, «Капітуляція» — самый большой по объему — о находчивости и храбрости турецких аскеров-солдат, находящихся вдали от родной земли).

В еще одном рассказе — «Він» Суад Дервиш [33, 6–9] — речь идет о тяжелой жизни в семье родственников сироты, дочери когда-то состоятельных родителей, чье состояние как раз и попало в руки «опекунов». Рассказ небольшой по объему, но сюжет усложняется любовными перипетиями. Девушка влюбляется в Аднана, человека новой эпохи в жизни Турции (работает в химической лаборатории), в котором героиня произведения находит абсолютно родственную душу. Но судьба распорядится так, что она вынуждена выйти замуж за состоятельного 45-летнего Азима-Пашу. Делает она это прежде всего ради того, чтобы вырваться из-под

опеки родственников и чувства мести: она уводит Азима-Пашу, за которого опекуны рассчитывали выдать замуж одну из своих дочерей. Но щемящее чувство утраты настоящей любви никуда не уходит. «Він» важен тем, что украинцы сумели прочесть одно из первых произведений турецкой писательницы о сложной и богатой духовной жизни турецкой женщины.

После художественных произведений идут разнообразные путевые очерки. «Яхта «Аднан»» Леонида Первомайского [33, 44–49] — часть «Бльокнота блукань», в которой рассказывается не столько о морском путешествии от Измира до Стамбула, сколько об идеологическом противостоянии с неким Свитальским, бывшим соотечественником, который становится воплощением мелочного, но хищного буржуа, получившего «по заслугам» — он должен просить мелочь, чтобы добраться домой.

О том, как быстро и недорого добраться от Стамбула до Бруссы, о невероятной красоте пейзажей, гармонии нетронутой природы и дивной архитектуры города, богатейшей его истории идет речь в очерке В. Стамбулова «Зелена Брусса» [33, 70–77].

Несколько отличается от него очерк «Два місяці в Стамбулі та Ангорі : уривки з щоденника за 1925 рік» [33, 78–86] Александра Самойловича, известнейшего востоковеда-тюрколога. В этом произведении тоже рассказывается об архитектуре Стамбула и Анкары, о преобразованиях, которые особенно заметны в новой столице Турции. Но больше внимания ученый обращает на книгоиздательство и газетное дело в этой стране, на встречи с известными деятелями науки, на описание университетов, на установление тесного сотрудничества между украинскими и турецкими учеными. Этот очерк А. Самойловича важен еще и тем, что свидетельствует о тесном сотрудничестве украинских востоковедов с этим выдающимся тюркологом, как и с другими российскими учеными.

Есть в журнале и несколько статей об экономике, культуре, истории и современности Турции обобщающего характера. В статье «Радянсько-турецькі взаємини» [33, 153–160] Л. Величко излагает историю дипломатических отношений и соглашений между двумя государствами от 1921 года до декабря 1929-го (стоит отметить высокий уровень оперативности журналистики: ведь между описываемыми событиями и изданием журнала проходит всего два месяца, а еще необходимо и время для написания статьи). Автор постоянно говорит о неизменном дружеском отношении Советского Союза к туркам, о «безвозмездной» помощи, в то время как Запад или саботировал инвестиции в Турции, или рассчитывал только на то, чтобы обобрать народ этой страны. Но тем не менее и экспорт в Турцию

(7%), и импорт из этой страны в Союз были небольшими, поэтому Величко надеется, что ситуация значительно улучшится после заключения «Ангорского протокола» в конце 1929 г.

Приблизительно похожей по содержанию была и статья профессора М. Лозинского «Радянський Союз і Туреччина : з приводу Ангорського протоколу з 17 грудня 1929 р.» [33, 144–152]. Автор разве что отдельно останавливается на состоянии Турции на конец Первой мировой войны и ведет истории о взаимоотношениях этой страны с советскими республиками от 1918 года. Также он характеризует в деталях подготовку и содержание всех советско-турецких соглашений, почти не отвлекаясь на «западный» контекст.

В. Стамбулов в статье «Успіхи й труднощі будівництва нової Туреччини : лист з Ангори» [33, 138–143] сосредотачивается, несмотря на несколько общее название, на больших успехах за один год перехода с арабского на латинский алфавит в образовании, внешней рекламе, делопроизводстве и т.д., о трудностях книгоиздательского дела в связи с этим переходом. Особенно обстоятельно Стамбулов описывает ситуацию с газетами, тиражи которых существенно упали, об их содержании и направленности. Он не воспринимает бульваризации содержания большинства газет, но также и не принимает попытки информировать без политических оценок и пропаганды, отражая советский взгляд на то, что журналистика должна быть заангажированной («Слово „газета“ визначає політичну програму і оборону цієї програми» [33, 140]). О проблемах и больших перспективах перехода с арабского алфавита на латинский в Турции, упрощении общения в связи с этим также пишет Яунтиран в статье «Проблеми латинізації в Туреччині» [33, 134–137].

Статья А. Коваливского «З історії тюрко-українських відносин : по доповідях Другого українського сходознавчого з'їзду (1–5, XI, 1929 р.)» [33, 161–167] является изложением докладов участников съезда («Україна й Крим» В. Дубровского, «Про похід Богдана Хмельницького разом з кримчаками на Польщу у 1648–49 рр.» симферопольского ученого С. Акчокраклы, «З історії взаємин України з Кримом (гетьман Суховій)» М. Горбаня, «Ногайці у колоніальній політиці царату» Ф. Петруня, о торговле Запорожской Сечи профессора А. Синявского, «Старовинні україно-турецькі засоби водного транспорту» самого автора статьи и тезисы докладов тех авторов, кто не сумел прибыть на съезд), в которых ведется речь о разнообразнейших аспектах политических, культурных, торговых и экономических отношений между украинцами и турками, а также и другими соседними тюркскими народами от Средневековья и до современности. Для того чтобы широкому читателю журнала «Червоний

шлях» содержание этих научных выступлений были более понятны, Андрей Коваливский дает короткое историческое вступление в украинско-турецкое прошлое, о роли Турции в украинской жизни XV–XX веков.

Еще одна статья А. Коваливского в журнале — «Ахмед Хашим» [33, 116–122] — чисто литературоведческого содержания. Автор кратко излагает биографию турецкого поэта, после чего детально останавливается на анализе его стихотворений, творческой эволюции, акцентирует внимание на том, что творчество Хашима отличается формальным совершенством стиха, синтезом национальных традиций, которые автор глубоко усвоил, с не менее глубоким проникновением в особенности современной европейской поэзии. Именно это, считает Коваливский, позволило ему стать одним из первых модернистов и самых известных поэтов в турецкой литературе.

После поездки по Турции, а также по тюркским республикам СССР, прежде всего Азербайджану, В. Зуммер публикует целый ряд материалов о тюркском искусстве, прежде всего изобразительном, в украинских и зарубежных изданиях. Одной из таких публикаций была и статья «Основні риси мистецтва турецьких народів» [33, 190–197], в которой автор пытается определить родственные черты в архитектуре разных тюркских народов, выделяет четыре этапа в ее эволюции, подчеркивая своеобразие и неповторимость искусства каждой из характеризуемых тюркских культур. Относительно к «турецким» публикациям можно отнести также статью П. Жолтовского «Українська лінія» [33, 198–206], в которой автор дает археологическое описание вала и ряда крепостей, которые возвели в украинской степи царская Россия в 1730-е годы и которые должны были противостоять татарско-турецким нападениям, а позже — и запорожским казакам.

Примечательно, что даже в «Хронике» наблюдается тюркский «уклон», проявляющийся в том, что излагаются события культурной жизни Азербайджана, Туркмении и Узбекистана [33, 222, 226]. Даже в сообщениях из РСФСР акцентируется внимание на публикации мемуаров Мустафы Кемалья [33, 225]. Несомненно, в «Зарубежной хронике» не могли обойти стороной Турцию, дав статистику возрастания расходов в этой стране на образование в абсолютных цифрах и в процентном соотношении от времен Османской империи (1911–12 гг.) до республиканского периода (до 1928–29 учебного года) [33, 229].

Эта тенденция сохраняется и в рубрике «Библиография», в которой дается краткая характеристика турецких изданий Ахмеда Мохтара «Для школьников веселые песни», сборника стихов Неджиба Фазыла «Бруки» и диссертации Ханса-Альбрехта фон Бурски «Кемаль Рейс» об

известном турецком флотоводце [33, 231–234]. В целом выпуск журнала засвидетельствовал огромные достижения украинской тюркологии всего за каких-то пять-шесть лет, проявившиеся в разнообразных направлениях научной и литературно-переводческой деятельности.

Ко всему можно добавить целый ряд публикаций о Турции в журнале «Східний світ» (более тридцати), многих других изданиях (например, «Береги дванадцяти вод» А. Мар'ямова в журнале «Металеві дні» [17, 62–76], ряд разного рода

публикаций в журнале «Всесвіт» и т.д.). А сколько еще публикаций, которые не попали еще в поле зрения исследователей?

Можно констатировать, что в 1920-е — в начале 30-х годов интерес к Турции в Украине значительно возрос. Этот процесс нашел отражение в разнообразнейшей по жанрам, темам и мотивам художественной и научной литературе, но был резко прерван репрессированием всего, что так или иначе было связано с украинским востоковедением.

ИСТОЧНИКИ

1. Величко Л. Змова Десмоля : роман із сучасного турецького життя / Л. Величко // Всесвіт. — 1928. — № 39–44. — С. 46–50.
2. Величко Л. Сучасна Туреччина / Л. Величко. — Б.м. : ДВУ, 1929. — 120 с. (Масова бібліотека. Країни світу).
3. Гаран Ф.Р. Туреччина : географічний нарис / Гаран Ф.Р. — Харків : ДВУ, 1930. — 119 с. (Робоча бібліотека учня установ соцвуху)
4. Гладстерн О. Европа й боротьба Туреччини за незалежність: відбиток з журналу «Східний світ», № 3–4, 1928 / Проф. Ол. Гладстерн. — Б.м. : ВУНАС, 1928. — 66 с.
5. Гординський С. Про Грищенків Царгород // Грищенко О. Мої роки в Царгороді: 1919–1920–1921. — Мюнхен–Париж : Дніпрова хвиля, 1961. — С. 5–7.
6. Грищенко О. Мої роки в Царгороді: 1919–1920–1921 / Олекса Грищенко. — Мюнхен–Париж : Дніпрова хвиля, 1961. — 260 с.
7. Грунін Т. Турецька мова: елементарна граматики та новий альфа бет / Т. Грунін. — Харків–Київ : ДВУ, 1930. — 128 с.
8. Едіб Х. В огні : повість з турецької визвольної війни / Переклад Василь Софронів / Халіда Едіб. — Львів : Кооперативна накладня «Червона калина», 1927. — 234 с.
9. Кадрі Я. Нур Баба : роман / Передмова й переклад з турецької В. Дубровського / Якуб Кадрі. — Х. : Рух, 1932. — 283 с.
10. Котко К. Сонце поза мінаретами / Кость Котко. — Харків : Книгоспілка, 1928. — 214 с.
11. Котко К. Щоденник кількох міст / Кость Котко. — Харків : Книгоспілка, 1930. — 190 с.
12. Кочубей Ю. В.В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець / Кочубей Ю.М. // Кочубей Ю. В.В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. — К. : Б.в., 2011. — С. 5–38.
13. Крачковський І. Сулейман аль-Бустаній / І. Крачковський. — К. : ВУАН, 1927. — 14 с.
14. Левитській Л. Туреччина та її економічне районування / Л. Левитській. — Харків : ВАСП, 1927. — 24 с.
15. Лизанівський І. Передмова / Ів. Лизанівський // Халіде-Едіб. Вогняна сорочка : повість з турецької визвольної війни. — Б.м. : Рух, б.р. (1928). — С. 5–7.
16. Лотоцький О. В Царгороді / О. Лотоцький. — Варшава : б.в., 1939. — 179 с.
17. Мар'ямов О. Береги дванадцяти вод / Олександр Мар'ямов // Металеві дні. — 1930. — № 5. — С. 62–76.
18. Новицький М. Передмова / М. Новицький // Недоля Л. Жовті брати: Кризь Хіну. — Харків : Український робітник, 1929. — С. 3–16.
19. Первомайський Л. Бльокнот блукань : епізоди і зустрічі / Леонид Первомайський. — Харків ДВУ, 1930. — 112 с.
20. Прушковська І. Українсько-турецькі літературні взаємини / Ірина Прушковська // Україна–Туреччина: історія, політика, економіка, право, дипломатія, культура. — К. : Український письменник, 2015. — С. 422–429.
21. Раковский Х. Ближневосточный вопрос / Х. Раковский, М. Рафаил. — Екатеринослав : Пролетарий, 1923. — 261 с.
22. Рафаил М. Ближний Восток / Вступ. стаття Х.Г. Раковского / М. Рафаил. — М.–Ленінград : Государственное издательство РСФСР, 1926. — 268 с. (Отпечатано в Краснодаре)
23. Сейф-Еддін О. Оповідання / Передмова й переклад В. Дубровського / Омер Сейф-Еддін. — Харків : Рух, 1932. — 164 с.
24. Сейф Еддін О. Оповідання / Омер Сейф Еддін // Східний світ. — 1929. — № 1–2. — С. 65–78.
25. Сейф Еддін О. Три оповідання // Червоний шлях. — 1930. — № 2. — С. 27–38.

26. Сенчило Н.О. Соцреалістичні мотиви у творчості турецьких поетів початку ХХ століття (на матеріалі перекладів П. Тичини) / Сенчило Н.О. // Україна–Туреччина: історія культурних зв'язків та співробітництва на сучасному етапі : зб. наук. праць. — К. : ВПЦ «Київський університет», 2011. — С. 178–185.
27. Сергійчук В. Турецька складова в сходознавчих дослідженнях українських науковців у міжвоєнний період / Володимир Сергійчук // Україна–Туреччина: історія, політика, економіка, право, дипломатія, культура. — К. : Український письменник, 2015. — С. 26–37.
28. Струтинський М. Передмова / М. Струтинський // Едіб Х. В огні: повість з турецької визвольної війни. — Львів : Кооперативна накладня «Червона калина», 1927. — С. I–V.
29. Тичина П. Із щоденникових записів / Упор. та підгот. тексту Л.П. Тичини і С.В. Тельнюка; прим. С.В. Тельнюка; передм. Л. Новиченка / Павло Тичина. — К. : Радянський письменник, 1981. — 430 с.
30. Халід Р. Ятик Еміне / Переклад з турецької В. Дубровського / Рафік Халід. — Харків : Література і мистецтво, 1931. — 44 с. (Масова художня бібліотека)
31. Халід Р. Ятик Еміне // Червоний шлях. — 1930. — № 2. — С. 11–25.
32. Халіде-Едіб. Вогняна сорочка : повість з турецької визвольної війни / Переклав М. Галицький / Халіде-Едіб. — Б.м. : Рух, б.р. (1928). — 143 с. (Бібліотека історичних повістей і романів)
33. Червоний шлях. — 1930. — № 2.

Васьків Микола Степанович

РЕЦЕПЦІЯ ТУРЕЧЧИНИ І ТУРЕЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ 1920–30-х РОКІВ

У статті йдеться про причини звернення уваги українських письменників і науковців 1920–30-х років на Схід і східну культуру, особливо — на Туреччину. Подається розлогий перелік художніх творів, мандрівних, науково-популярних нарисів про буття турків у часи кемалівських перетворень, перекладів із турецької літератури. Автор статті акцентує увагу на особливостях української рецепції Туреччини, пошуках спільних точок дотику у міжкультурній комунікації.

Ключові слова: рецепція, турецька культура, ВУНАС, мандрівний нарис, переклад.

Mykola Stepanovych Vaskiv

RECEPTION OF TURKEY AND TURKISH CULTURE IN UKRAINIAN LITERATURE IN THE 1920s-30s.

The article deals with the reasons of paying attention from Ukrainian writers and scholars in 1920–30s to the Orient and Oriental culture, especially to Turkey. Large enough list of literary and travelling works, popular science sketches about Turkish life in the times of the Kemal's transformations, translations of Turkish literature are given here. The author of the article focuses attention on the peculiarities of Ukrainian reception of Turkey and finding common points of contact in intercultural communication.

Key words: reception, Turkish culture, All-Ukrainian Scientific Association of Eastern Studies (VUNAS), travel sketch, translation.